

УДК 811.161.1.28

М.В. ТОПЧИЕВА
(topchieva_nn@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ЖАНРА СВЯТОЧНОГО РАССКАЗА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на материале рассказов «Агата возвращается домой» Л. Горалик, «Рождественский рассказ» В. Токаревой, «Капустное чудо» Л. Улицкой)*

В статье рассматривается жанр святочного рассказа и его модификации в рамках современной литературы. На примере рассказов «Агата возвращается домой» Л. Горалик, «Рождественский рассказ» В. Токаревой, «Капустное чудо» Л. Улицкой выявляются разные подходы к осмыслению мотива «чудесного». Исследуются новые аспекты семантики образа ребенка в современной литературе.

Ключевые слова: образ ребенка, хронотоп, святочный рассказ, жанр.

Святочный рассказ – один из актуальных жанров современной русской литературы. Жанровые «сигналы» святочного рассказа вполне устойчивы и узнаваемы современным читателем. Чудо – обязательный элемент святочного рассказа, гарант «непременно веселого окончания» повествования и один из инвариантных жанрообразующих признаков. Чудо предстает не только в качестве мистического акта, волшебства, но и в виде счастливого случая, неожиданной удачи. Часто везение приходит в самый критический момент жизни героя. Эффект неожиданности – характерная особенность святочных рассказов [2, с. 204], актуализируемая и в современной литературе. Особое значение мотив чуда обретает в произведениях «женской» прозы, где главными героями нередко оказываются дети. Сопоставительный анализ святочных рассказов «Агата возвращается домой» Л. Горалик, «Рождественский рассказ» В. Токаревой и «Капустное чудо» Л. Улицкой позволяет выделить и рассмотреть значимые аспекты, характерные для данного направления литературы на современном этапе.

В первую очередь следует отметить, что текст Л. Горалик не претендует на правдоподобность представленной ситуации: пространственно-временные рамки размыты и обобщены. Эта особенность объясняется стремлением автора акцентировать повторяемость, универсальность истории. Девочка Агата лишена психологических атрибутов детскости, наблюдаемых у героев Л. Улицкой и В. Токаревой. Возраст героини – лишь жанровая условность святочного рассказа.

Улицкая, напротив, предельно конкретизирует пространственно-временной аспект сюжета. Перед читателем рисуется ноябрьский послевоенный день. *Тяжелые, темно-красные от сырости флаги, не убранные после праздника* [5] указывают на то, что события происходят как раз после праздника Великой Октябрьской революции (7 ноября). Одежда, быт и длинные очереди за продуктами позволяют восстановить характерную для того исторического периода обстановку и дух самой эпохи с максимальной точностью и достоверностью. Примечательно, что автор трансформирует один из центральных признаков жанра – календарную приуроченность события к дням Святочной недели. Тем самым автор размыкает временные границы жанра, усиливая мотив чудесного: чудо свершается в исторических и бытовых условиях, которые противоречат и законам жанра, и читательским ожиданиям. Чудо возникает вопреки обывательским штампам и исторической логике.

В рассказе В. Токаревой временная обусловленность события очевидна: рождественское «чудо» совершается в Москве в канун Нового года. Повествование от первого лица и непринужденная речь устанавливают близкую взаимосвязь с читателем, убеждают в достоверности происходящего. Героиня вводит нас в круг своей семьи, знакомит с ее представителями, в том числе и с *мурлыкающим мо-*

* Работа выполнена под руководством Рябцевой Н.Е., кандидата филологических наук, доцента кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

торчком, рассказывает о существующих разногласиях и проблемах. Особенность данного рассказа – простота, которая наблюдается во всем: речь, отношение к жизни, вкусы героини (*А мне нравился цветочек. Листья были большие, замшевые, а цветочек совсем простой, в четыре лепестка. Как будто ребенок нарисовал. Или сам Господь Бог сотворил этот цветочек утром и в хорошем настроении. Проснулся и со свежей головой придумал такой цветок: ни убавить, ни прибавить*) [4]. Разрушение цветка Борькой Карповым – кульминационное событие, послужившее основой для дальнейшего раскрытия внутреннего мира ребенка и характера уже взрослой героини, которая предстает перед читателем в конце рассказа.

Во всех рассматриваемых нами произведениях духовный мир ребенка раскрывается в экзистенциальной ситуации, однако внутренние механизмы этой сюжетной ситуации в текстах трех авторов различны. История Агаты из текста Горалик трансформирует жанровую природу святочного рассказа, подвергая деконструкции и пародированию классические признаки жанра. Вместе с тем, постмодернистские приемы, реализуемые в тексте, не отменяют, а, скорее, усиливают морализаторский смысл, притчевый подтекст истории. Сюжет построен на пересечении двух планов – псевдореального и фантастического, вследствие чего сама ситуация нравственного выбора, в котором оказывается Агата, обретает вневременной смысл и разворачивается как некая вселенская мистерия.

Маленькие героини Л. Улицкой Дуся и Оля, осиротевшие после войны, уже познали тяготы и хлопоты настоящей жизни. Справляясь самостоятельно по хозяйству, они и в мороз, и в дождь идут выполнять задания опекающей их бабы Тани. Характер девочек представлен в двух ипостасях. С одной стороны, они еще совсем дети, наивно и добродушно относящиеся к окружающему их миру (*– Надо было валенки надеть, – сказала Дуся. / – На валенках кошка спит, – отозвалась Ольга*) [5]. С другой стороны, жестокая действительность лишила их детства как такового. Играм с городскими ребятами они предпочли спокойные вечера возле шьющей бабы Тани, подбирая падающие лоскутки ткани. Будучи старшей, Дуся взяла на себя роль покровительницы маленькой Ольги, стараясь подражать во всей Ипатьевой (*Большая, а носа вытереть не можешь, – проворчала она точно так, как это делала Ипатьева, и снова сунула руку в карман*) [Там же]. Потеря десяти рублей, данных девочкам для покупки капусты и морквы, – ужас, приводящий в отчаяние и порождающий страх, что Слониха прогонит их из дома. Но чудо все-таки происходит: *Машина, не сбавляя ходу, резко повернула, под фонарем сверкнул бело-голубым сиянием ее груз – высоко вздыбившаяся над бортом капуста. Машина вильнула возле них, рванулась и поехала мимо, сбросив к их ногам два огромных кочана* [Там же].

Несмотря на то, что описываемые события происходят в ноябре, в тексте присутствуют жанровые признаки рождественского рассказа. Кроме мотива удачи, к ним можно отнести зимний пейзаж (*от белизны снега стало чуть веселее и вроде светлее*) и примирение Ипатьевой с девочками (*Девчоночки-то какие были! Золотые, ласковые... Как же они без меня? А я-то, я-то как без них? – убивалась Ипатьева, комкая промокиую тряпочку*) [Там же].

В тексте Горалик так же актуализируется широкий диапазон традиций, связанных с жанром святочного рассказа, но переосмысленных с учетом эстетики постмодернизма. Перед читателем воспроизводится традиционная праздничная атмосфера: все палисадники украшены рождественскими гирляндами, электрическими оленями, ненастоящими Санта-Клаусами. Однако в представленном праздничном пространстве доминирует в большей степени не праздничный эффект, а скорее театральнo-маскарадный, «масочный», эксплицирующий постмодернистский прием «мнимого знака». Присутствует и фольклорный мотив нарушения запрета: девочка входит в лес, вопреки наставлениям родителей, обещая пройти *всего на сто метров*. Сквозной мотив сказки – мотив искушения: обещанный клад, искушение игрой в ладоши и выбор лучшего «подарка» от беса: *Это не сделка, Агата, – терпеливо говорит человек в шубе. – Это настоящий подарок, я ничего не хочу от тебя взамен. Совершенно ничего* [1]. В тексте наблюдается свойственный святочному рассказу отказ от традиционной идилличности в изображении ребенка. Характер героини представлен не как цельный и статичный, а

как сложный и противоречивый. Девочка переживает серьезное событие, из которого извлекает важный урок, что не может не отразиться на ее сознании и восприятии мира. Внутренняя нестабильность и противоречивость характера героини не снимаются и в заключении рассказа (несмотря на внешне позитивный финал). Примечательно, что автор отказывается от такого типичного признака святочного рассказа, как наличие обязательной христианской морали в финальной части произведения. Хотя другие устойчивые признаки жанра актуализированы в тексте. Так, болезнь Агаты после возвращения домой явно отсылает к мотиву расплаты человека за неосторожность в общении с нечистой силой.

Жанровые признаки рождественского рассказа отмечены в тексте В. Токаревой в не меньшей степени. Мотив «удачи по-детски» проявляется еще при покупке герани (*Мало того, что цветок оказался недорогим, он еще и последний, и полезный. Тройная удача*) [4]. Борьба между Добром и Злом, выраженная в том числе и в нравственном выборе, сопровождает героиню на протяжении всего повествования. Это и противостояние папы и бабушки, попрекающей папу за безработицу, причиной которой стали перестройка и закрытие проектного института, бессмысленный и по-детски жестокий поступок Борьки, так и оставшийся неотомщенным, борьба «черного» и «белого» ангелов, пренебрежительное отношение Толи к *старушатнику* в лице семьи героини. Присутствует и традиционный мотивы расплаты (*Кто-то побил его вместо меня... Но меня это не обрадовало. Нет. Не обрадовало. Во мне разрасталась пустота, клонящаяся к состраданию*), всепрощения (*Я протянула ему розу... Борька не взял... Тогда я положила ее ему на колени. Как на памятник*) [Там же]. Памятник выступает как символ небытия, несуществования того самого наглого, красивого Борьки и той обиды, которая преследовала героиню 5 лет. Случившиеся события в канун Нового года, а главным образом прощение старого обидчика, привели к нравственному перерождению девушки: она оставляет «правильного» Толю, возвращается туда, где она должна быть, т. е. к своей семье, и превращается из *пораженки* в *везунка*: *Прощай, мой черный ангел. Прощайте, мои напрасные страдания. Прощай, моя роза неземной красоты. Продержись как можно дольше...* [Там же].

Следует обратить внимание и на символическую семантику цветка, ведь героиня приобретает его дважды: герань для живого уголка в школьные годы и розу в новогоднюю ночь, будучи уже взрослой. Цветок как таковой символизирует жизненную силу и радость жизни. Как христианский символ, он указывает на «принятие Божьего дара, детского восторга от природы в раю» [3]. Цветок также представляет собой образ чудесного, по некоторым мифологическим представлениям является знаком иного, небесного мира. Что касается герани, у многих народов она – символ здоровья, бодрости и силы, а роза олицетворяет мученичество, воскресение, вечную жизнь и благотворительность [Там же]. Таким образом, мы прослеживаем духовное воскрешение героини, жизнерадостность которой была прервана обидчиком Борькой.

Общий пафос «Капустного чуда» Л. Улицкой и «Рождественского рассказа» В. Токаревой жизнеутверждающий, в то время как Л. Горалик оставляет финал открытым, и в противостоянии «Добро – Зло» ни одна из сторон не одерживает окончательной победы. Характерной особенностью всех трех рассказов является то, что маленькие героини возвращаются в конце повествования домой. Топос дома воспринимается как оберегающее и надежное пространство, символ уюта и защищенности. Но у каждого из трех авторов дом оказывается тем семейным пространством любви и доброты, который неизменно сопряжен с атмосферой детства – как символа гармонии и нравственной стабильности, утраченных в мире взрослых.

Литература:

1. Горалик Л. Агата возвращается домой. [Электронный ресурс]. URL: <http://linorgoralik.com/agata.html> (дата обращения: 25.10.2017).
2. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Изд-во СПбГУ. 1995.
3. Мифологическая энциклопедия. Цветы [Электронный ресурс]. URL: <http://myfology.info/planta/flowers.html> (дата обращения: 25.10.2017).

4. Токарева В. Рождественский рассказ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/109090/slug/rozhdestvenskijj-rasskaz-3> (дата обращения: 25.10.2017).

5. Улицкая Л.Е. Капустное чудо. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/57680/slug> (дата обращения: 25.10.2017).

TOPCHIEVA M.V.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

***A NEW INTERPRETATION OF THE GENRE CHRISTMAS STORY IN
CONTEMPORARY LITERATURE***

***(on the basis of stories «Agatha comes back home» L. Goralik,
«Christmas story» V. Tokarevoy, «Cabbage miracle» L. Ulitskoy)***

The article examines the genre of Christmas story and its modifications within the contemporary literature.

For example, the story «Agatha Comes Back Home» L. Goralik, «Christmas story» V. Tokarevoy,

«Cabbage miracle» L. Ulitskoy revealed different approaches to understanding

the motive of «miraculous.» We investigate new aspects

of semantic image of the child in modern literature.

Key words: *image of a child, chronotope, Christmas story, a genre.*